

Эдуард Веркин

ВЕДЬМИН
ДЕНЬ

ОТ ОБЛАДАТЕЛЯ ПРЕМИЙ «КНИГУРА», «НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ», «ЗАВЕТНАЯ МЕЧТА»

Эдуард Николаевич Веркин

Ведьмин день

Серия «Эдуард Веркин. Триллеры. Что скрыто в темноте?», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44918333
Ведьмин день / Эдуард Веркин: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-108910-8

Аннотация

«Ведьмин день»

«Зачем вы поселились в этом доме? – спросил меня тогда парень по кличке Горох. – Немедленно уезжайте! Будет беда!» Но я не послушал его и не рассказал о предупреждении родителям. Однако вскоре выяснилось: этот самый Горох умер много лет назад! Значит, я разговаривал с привидением?.. Но это меня ничуть не испугало. Ведь пугать начало совсем другое: шорох, стук когтей по полу, ощущение присутствия в доме чего-то неведомого... Одного не могу понять: она мне только видится или существует на самом деле – эта призрачная белая кошка с кошмарной улыбкой?..

«Пятно кровавой луны»

Холодея от ужаса, ступают по темным подземным коридорам Валя и ее друзья. Несколько дней назад девочка подзадорила

одноклассника Володьку «на слабо» переночевать в этом подземелье, где, по слухам, поселился призрак, – и с тех пор о Володьке ни слуху ни духу. Неужели осталось лишь горько раскаиваться? Или все-таки Володьку еще можно спасти? Но как? Ведь все знают, что из этого ужасного подвала еще никто и никогда не возвращался... Ребята продолжают свой опасный поход. И вот перед ними возникает ухмыляющийся череп, а затем стрелка, указывающая путь в неведомое...

Содержание

Ведьмин день	7
1. Без белых кошек	7
2. Там живёт ведьма	14
3. Разговор с мертвецом	23
4. Новоселье	33
5. Визит	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Эдуард Веркин

Ведьмин день

© Веркин Э., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Ведьмин день

Ведьмин
день

1. Без белых кошек

Тогда я увидел.

По лестнице поднималась кошка. Та самая. Белая, как молоко.

Она поднималась медленно, припадая на правую переднюю лапу. Когти мелко цокали по ступеням.

Пропустил один глаз. Где? Спальни, холл, кухня, гараж, кладовки, чердак... Нет, вроде всё замазал. Всё. Но она проникла. Просочилась. А может, она всегда была здесь? Всегда была с нами.

Я шагнул назад.

Кошка увидела меня и улыбнулась. Зубов у неё не было,

просто красная дыра.

Я шагнул ещё. Зацепился пяткой за ступеньку, больно шлёпнулся задницей. Кошка снова улыбнулась. Я попытался подняться, но воздух неожиданно стал плотным и вязким, воздух удерживал меня, не отпускал. Больше того, он потянул меня вниз, навстречу этой проклятой твари, навстречу её глазницам.

Раскинул руки, попытался схватиться за перила лестницы и подтянуться, не получилось – слишком далеко, лишь съехал ещё на ступеньку вниз.

Кошка приближалась. До неё уже было не больше десятка ступеней, я мог разглядеть каждую шерстинку на её загривке, разорванное ухо, непропорционально большие лапы и когти. Когти.

Я рванулся. Как только мог. Оттолкнулся ногами, оттолкнулся всем телом... Сгустившийся воздух уступил. Я оторвался от лестницы и перевалился на пол второго этажа.

Подняться не смог, воздух давил, прижимал к паркету, как змею, плющил, плющил... Поэтому я пополз. Проталкиваясь через плотную, густую воздушную массу.

Дверь комнаты. Она была почти в самом конце коридора, метров двадцать до неё.

Я полз. Полз, задыхаясь, выбиваясь из сил. Не оглядывался, боялся, что эта белёсая бестия подобралась уже слишком близко.

Перед дверью я упал лицом в дощечки и лежал секунд де-

сать. В коридоре было тихо. Я так и не осмелился обернуться. Дотянулся до ручки двери, дернул и ввалился в комнату. Приткнулся спиной к двери. Закрыв замок.

Тишина. Тяжёлая, пыльная тишина, тишиною залит весь дом.

Но что это? Дверь царапают. Лёгкое такое поскрёбывание. Скрёб-скрёб, скрёб-скрёб. У меня на руках поднимаются волосы, рубашка прилипает к спине, я ясно ощущаю присутствие зла... Зло у меня за спиной.

Я подпрыгиваю, поворачиваюсь к двери...

Шорох. Шорох за спиной.

Я не могу обернуться. Страшно.

Она в комнате.

Белая кошка. Я знаю, что это она. Белая.

На этом месте я всегда просыпаюсь. В голове срабатывает переключатель, подсознание бережет меня от того, чего я не хочу видеть.

Больше не хочу никогда видеть.

Дверь открывается. В комнату проскальзывает Катька. В руках у неё книжка. Сказки. «Путешествие Нильса с дикими гусями»¹. Закладка в виде золотой рыбки. Катька ставит книжку на тумбочку, садится на табуретку рядом с моей кроватью, берёт меня за руку.

¹ «Путешествие Нильса с дикими гусями» – полное название «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями». Повесть-сказка, книга шведской писательницы Сельмы Лагерлёф.

– Опять? – спрашивает Катька.

Я киваю.

– Белая?

– Белая.

Катька достаёт из кармана пижамы теннисный мячик и начинает стучать им в стену. Снизу, с первого этажа, стучат по трубе родители.

– Проснулись, – вздыхает Катька. – Может, тебе к доктору сходить?

– К доктору сходишь – потом на учёт поставят, как дурачка, – клеймо на всю жизнь. Не, лучше уж я так...

Катька подбрасывает мячик в потолок. Роняет его, и мячик закатывается под кровать.

Катька смотрит на меня. Я отрицательно качаю головой.

– Ну, пожалуйста, – просит Катька.

Я плюю и лезу под кровать. Это довольно неприятно – ползти в темноту, но от Катьки ведь не отмажешься, будет до утра сидеть и канючить.

Мячик отыскался в углу. Я стукнулся головой о раму кровати и набил шишку.

– Ну что там? – спросила Катька.

Я не ответил. Лежал себе тихонечко.

– Ты чего? – в голосе Катьки послышалось волнение.

Я выпустил мячик, он выкатился из-под кровати. Сам я, затаив дыхание, ждал.

– Вылезай.

Катька не вытерпела и заглянула под свесившуюся простыню. Осторожно пощупала меня за ногу.

– Что с тобой? – всхлипнула Катька. – Вылезай давай...

Она взяла меня за ногу и попыталась вытащить. Не получилось.

Катька ойкнула и полезла ко мне. Затормошила, попробовала ущипнуть. Я рывкнул и схватил Катьку за плечо. Катька завизжала.

– Шучу! – Я отпустил Катьку, и она сразу же выскочила из-под кровати.

– Дурень, – сказала она. – Испугал. Я тебе говорила, чтобы ты меня не пугал! И мама тебе говорила. Ты же обещал!

Я тоже выбрался наружу.

– Извини. Больше не буду.

– Ты всегда так говоришь. А потом всё равно пугаешь.

Пугаю. Потому что самому страшно. А тут Катьку пугаешь – и вроде не так уж и погано. Лучшее средство.

– А если она сбежала? – спросила шёпотом Катька и оглянулась на окно.

– Прекрати вертеться! – Я схватил Катьку за руку. – Что за глупая привычка завелась! Времени прошло сколько, а ты всё ещё трясёшься. Трусиха! Катька, ты настоящая трусиха!

Катька надулась.

– Если бы она сбежала, Рыся бы нам сообщил, – успокаивал я. – Позвонил бы или письмо написал. К тому же... К тому же всё то, что случилось... Это уже прошло. Прошло,

и нечего это вспоминать. Ей не сбежать.

– А вдруг он не смог позвонить?

– Как это не смог? В честь чего это он не смог?

Катька снова зашептала:

– Всякое могло случиться. Номер не смог набрать. Потому что ему руки оторвали...

– Всё в порядке, – оборвал я. – Всё в полном порядке. Нечего об этом думать. Даже если с Рысей что-то случилось, она нас не найдёт. К тому же я ему на прошлой неделе посылал эсэмэску, и он мне ответил, что у них дожди...

– Покажи! – требует Катька.

– Чего тебе показать?

– Эсэмэску.

– Я её стёр сразу, чего память загружать. И в восьмисотый раз повторяю – она нас не найдёт...

– Ага, не найдёт, – подмигивает мне Катька. – А чего же ты тогда из папиного пистолета в кошку соседскую стрелял? Она не совсем, между прочим, белая, с рыжиной, а ты ей полхвоста отстрелил! Хорошо хоть промазал...

– Я не промазал, – сказал я. – Я отстрелил ей полхвоста. Если бы я хотел отстрелить голову...

– А зачем тогда вообще стрелял?

– Не люблю белых кошек. В белых кошках есть что-то ненормальное. Белые кошки гораздо страшнее чёрных... Эта кошка лазила здесь, лазила, лазила, лазила...

– Ладно, ладно, – Катька погладила меня по руке. – Не

нервничай. Тебе же нельзя нервничать.

– Нельзя, – согласился я. – От этого руки трясутся.

Я взял с тумбочки стакан с лимонной водой, выпил.

– Ты знаешь... – Катька попыталась оглянуться. – Только ты не пугайся!

Но я пугаюсь. Я пугаюсь, теперь я пугливый, очень пугливый.

– Я видела...

– Иди спать, – говорю я Катьке. – Всё. Ничего ты не видела. Больше никаких белых кошек. Мы живём без белых кошек!

Катьке не хочется уходить.

– Знаешь, я слышал историю. Там про одну девочку, которая нашла в лесу почти мёртвую собаку...

Катька не хочет слушать историю про почти мёртвую собаку. Берёт своих диких гусей и уходит.

Я остаюсь один. Какое-то время я сижу просто так. Затем подхожу к двери, закрываю и для верности подпираю её гирей.

Опускаю жалюзи. Делаю шаг от подоконника. Стучу кулаком по паркету. Отыскиваю место со звонким звуком. Поднимаю пластинки. Под ними тайник. Я сам его оборудовал, тайник – вещь просто незаменимая.

Долго смотрю в треугольную дыру в полу, затем достаю из неё продолговатый полиэтиленовый свёрток.

2. Там живёт ведьма

Дорога пошла хорошая, и Катька сразу же достала из сумочки Кена и Барби и стала играть в школу.

Все эти «Кен, подойди к доске», «Барби, дай дневник» и «Кен, вымой руки» мне смертельно надоели уже через пятнадцать минут, я вынул из кармана записную книжку и сделал вид, что внимательно читаю.

– Чего это ты читаешь? – сразу же спросила Катька.

– А, так, история одна...

– Какая? – Катька бросила своих кукол и уставилась на меня. – Расскажи!

– Это такая история, – я напустил на себя задумчивости, – о ней лучше не рассказывать...

– Почему это? – спросила Катька.

– Девчонки от нее пугаются и спать не могут потом. Это история только для мальчишек. Так что лучше...

– Расскажи, расскажи, – заканючила Катька. – А если не расскажешь, то я папе расскажу, что ты математику не сам делал, а у Филиппова списывал.

– Ну, смотри, – я понизил голос. – Сама напросилась. Только никому больше не передавай, а то тебя найдут.

– Кто найдёт?

– Те, кому надо, найдут. Один парень рассказал эту историю своему брату, а на следующий день их нашли мёртвыми.

Они оба задохнулись в сугробе, торчали там вниз головами.

– Знаешь, я чего-то боюсь...

– Если ты никому не расскажешь, то тебе нечего бояться.

Ты ведь не расскажешь?

– Не... – Но в голосе Катьки уверенности я не услышал.

– Ну, смотри. В одной школе, в нашем городе, кстати, был новогодний карнавал. Но не простой карнавал, а тематический.

– Как это? – спросила Катька.

– Ну, это когда все в тему одеваются. Например, все одеваются древними римлянами, или космонавтами, или морскими пехотинцами. А на этот карнавал все решили наряжаться всякими чудовищами. Наступал Новый год, тридцать первое декабря, все пришли в школу, все приготовились. В семь часов вечера во всей школе собрались выключить свет, чтобы в темноте все переоделись каждый в свой костюм, а когда свет включится, все были бы уже одеты и не могли бы узнать друг друга. Так и произошло. Свет выключили, а когда через пятнадцать минут включили, народ был уже в костюмах. Вампиры, скелеты, зловещие мертвецы всякие. Но круче всех была маска оборотня. И маска, и костюм – всё как настоящее. Тут по связи объявили, что начинается праздник, и школьники рванули в спортзал. А там всё как водится – ёлка, музыка, танцы, конкурсы всякие дурацкие, красота, короче. Все наплясались, навеселились, а как пробило десять часов, так пришло время снимать маски – традиция такая.

Ну, все и стали снимать костюмы. А когда сняли, оказалось, что оборотень остался в маске. Тут все засмеялись и стали требовать, чтобы он немедленно маску снял. Окружили его и давай дёргать. А костюм не снимается. Они стали сильнее дёргать. Ни в какую! Тогда подбежал физкультурник, он штангист – и как дёрнет!

Я сделал паузу.

– И что? – дрожащим голосом спросила Катька.

– И тогда оборотень зарычал и вцепился в горло учителю физкультуры. И вдруг свет погас и больше не загорался, в темноте были слышны крики и стоны...

Я замолчал.

– А потом? – спросила Катька.

– Утром насчитали восемнадцать трупов, – закончил я.

Катька молчала.

– Кать, – спросил я, – а ты знаешь, кто был тот оборотень?

– Кто? – Катька напряглась.

– Тот оборотень был... – Я начал смотреть Катьке за плечо. – Тот оборотень – это... Это... Я!!!

Я зарычал и щёлкнул зубами, Катька завопила и забарабанила по крыше кабины, чтобы её сняли из кузова. Машина остановилась, мать выглянула в окно и спросила, что происходит.

Катька немедленно на меня пожаловалась и сказала, что не собирается ехать со мной в кузове дальше. Мать забрала её в кабину. Я остался в блаженном одиночестве, распо-

ложился на мешках с вещами и стал смотреть в небо, где острой стрелкой шёл маленький ястреб.

Машина катилась, асфальт был лёгкий, свежеположенный, и уже в час дня мы въехали в Унжу. В Унже асфальта не было.

Вещей у нас было немного, всё вошло в один грузовик. Это потому, что мы переезжали ненадолго, всего на два года. Папашка у меня строитель, и его направили сюда строить то ли элеватор, то ли рефрижератор, а может, вообще какой-нибудь регенератор. Это было очень нужно ему по работе, после того как он построит тут регенератор, его должны сразу отправить в Москву на повышение. Я не был в восторге от ссылки в Унжу, но в Москву мне попасть очень хотелось. В Москве для меня полно возможностей – я ведь старый геймер, почти профессиональный. В смысле игрок в компьютерные игры. Даже в соревнованиях участвовал. А в Унже вряд ли есть компьютерный клуб, придётся с собой играть. Это скучно и тяжело. Но делать нечего. Я собрал волю в кулак, упаковал свой комп в коробку и собственноручно погрузил его в самый безопасный угол грузовика.

Впрочем, в поездке в деревню были и свои плюсы. Я узнал, что в здешней школе учится всего двадцать ребят. И это во всех классах. В моём седьмом классе всего три человека. Здорово – три человека и учитель. Такие занятия – всё равно что занятия с репетитором, только бесплатным. Большая экономия для семейного бюджета.

К тому же вряд ли в деревне ещё у кого-нибудь имеется по-настоящему мощный компьютер. Наличие же машины, думал я, обеспечит мне известный авторитет и уважение среди немногочисленных сверстников.

Но до занятий было ещё далеко, и мне предстояло почти месяц обживаться в новом жилище. Сначала нас хотели поселить в гостинице в районном центре, но от гостиницы до стройки было почти два часа езды, поэтому нас поселили в незанятом двухэтажном доме. Оттуда, как нам сказали, стройку видно в окно, можно на велосипеде доехать.

Деревня оказалась довольно большой, я бы даже сказал, что это не деревня, а село. Правда, народу что-то было не видать – грузовик протряс нас по улицам, а навстречу нам не попало ни одного человека. Ни одной собаки. Я подумал, что, скорее всего, все ушли в поле возделывать какую-нибудь зябь. Ну и хорошо.

Грузовик переваливался по рытвинам и ухабам, я держался за борта и рассматривал своё будущее место жительства. Дома все были довольно хорошие, не кривые, не побитые градом и не перекоsobоченные разными ураганами, нормальные дома. Пару раз даже попались двухэтажные особнячки, наверное, обителица агронома и председателя. Папахен сказал, что мы тоже будем жить в двухэтажном доме, и теперь я усиленно его искал, вертя головой. Но я увидел его не сразу. Оказалось, что за деревней начинался крутой и долгий спуск к реке, и дом было видно лишь с самого края

села. С околицы, так это, кажется, называется. Мы подкатили к этой самой околице, грузовик снизил скорость и стал сползать вниз. Тогда-то я и увидел дом.

Он был построен из белого кирпича, крыша покрыта красной черепицей, а вокруг – внушительный кирпичный забор. Видимо, раньше здесь жил местный миллионер, хозяин хлебозавода или какой-нибудь заправки.

Мне дом понравился. Он выглядел вполне современно. В таких домах обычно имеются спортзал, сауна, может быть, даже маленький бассейн. Дом вселил в меня надежду на то, что моё пребывание тут не будет совсем уж мрачным. Стройку, где должен был инженерить мой папа, и в самом деле видно – на другом берегу реки возвышались белые полукруглые строения, а через реку переброшен худосочный понтонный мостик. При желании можно и на велосипеде проехать.

Когда до дома осталось метров двести, дорога вильнула, и я увидел, что наш особняк на берегу не один. Совсем недалеко от него ещё дом. Если это строение можно было, конечно, назвать домом. Приземистое сооружение, вросшее в землю почти по окна. Некрашенные бревенчатые стены, посеревшие от старости. Крыша покрыта дранкой, на дранке давно поселился зелёный мох. Из трубы, несмотря на жару, ползёт дымок.

Метрах в десяти от мрачного дома торчали из бурьяна какие-то обугленные поленья, скорее всего, там была баня, а потом она по каким-то причинам сгорела.

Грузовик остановился. Кабина открылась, и на воздух вывалился водитель, потом вылезли маман и моя сестра Катерина. Папахена пока не было – он улаживал дела на своём старом объекте и собирался приехать к нам недели через две.

– Прибыли, – матушка постучала ладонью по железным воротам. – Тут сигнализация, говорят, даже есть. Крепость настоящая.

– Нормально, – сказала Катька. – Нормальненько...

– Супер. – Я спрыгнул из кузова на землю. – Хибара что надо. Я думал, будет болото какое-нибудь...

– Там и мебель есть, – кивнул шофёр. – Вы правильно сделали, что ничего с собой не взяли.

– Мы взяли, – матушка улыбнулась водителю и достала из кармана столик. – И нужно бы разгрузить.

Водитель покривился, но столик взял, легко запрыгнул в кузов и стал быстро сбрасывать узлы с одеждой, коробки с посудой и другую необходимую в жизни дребедень.

Мы с мамкой всё это ловили и складывали в аккуратную кучу. Комп я водителю не доверил и спустил на землю сам.

Машина была разгружена за десять минут. Водитель отряхнул руки и вернулся в кабину.

– Ну, вот и хорошо, – сказал он. – Всё, как надо, всё, как прораб велел. Вы тут располагайтесь, а я поеду...

– Спасибо, – Катька улыбнулась водителю. – Приезжайте ещё.

– Ага, – водитель поморщился, – приеду...

Он захлопнул дверцу.

– Эй, погодите, – мама помахала водителю рукой, – а там, в этой избушке, кто живёт?

Она указала пальцем на покосившийся дом по соседству.

– А, – водитель завёл мотор, – так, никто...

– Там живёт ведьма, – сказал кто-то.

Я обернулся.

Метрах в трёх от въездных ворот стоял мальчишка. Он был одет в длинную резиновую куртку болотно-зелёного цвета и в безразмерные кирзовые сапоги.

– Кто? – спросил я.

– Ведьма, – шёпотом повторил парень.

Водитель врубил передачу, прибавил газа, развернулся и покатил в гору.

– Ты кто? – спросил я у мальчишки.

Но парень ничего не сказал, пошёл к реке.

– Чего стоим? – бодро спросила мама. – А ну, узлы в зубы и в дом всё таскать!

Мы стали таскать вещи в дом. Я, правда, отнёс всего два узла, да и то лишь до крыльца, а на третьем сделал вид, что у меня есть неотложное дело, и быстренько слинял.

Я выскочил за ворота и огляделся. Парень дошёл уже почти до реки, только шагал он не напрямую, а в обход почерневшего деревянного дома, делая большой крюк по лугу. Сначала я хотел ему крикнуть, чтобы он меня подождал, но потом подумал, что парень может испугаться и вообще сва-

лить. Поэтому я решил его просто догнать. Крюк делать мне не хотелось, и я двинул прямо через двор наших соседей. Хотя двором это можно было назвать лишь с большой натяжкой – забор давно сломался и зарос травой, а огорода не наблюдалось вовсе. Так что я смело рванул мимо соседского домовладения. Шёл себе прямо, иногда, конечно, поглядывал влево на окна домика. Но окна были такие замызганные, что ничего, кроме серой пелены, я не видел. Раз, правда, мне показалось, что что-то там промелькнуло в глубине, но вглядываться я не стал.

Мальчишку в резиновой куртке я догнал не скоро. Он как-то странно передвигался по берегу, то исчезал, то выныривал вновь, семафоря мне острым капюшоном своей куртки. Потом он вообще скрылся из виду, и мне пришлось даже немножко пробежаться.

Парень сидел на крутом песчаном берегу и жёг микроскопический костерок из плавника. Ни тепла, ни какой-то пользы от этого огня не было, видимо, он жёг его для своего удовольствия. Я подошёл и сел рядом.

– Тебя как зовут? – спросил я.

Парень не ответил.

– Чего молчишь? – снова спросил я. – Не хочешь со мной разговаривать?

– Я с мертвецами не разговариваю, – ответил парень.

3. Разговор с мертвецом

С реки потянуло холодом, я подобрал сухую коряжку и кинул в костёр. Огонь весело затрещал, но теплее не стало. Вообще здесь было довольно неудобно, на берегу этой реки. Я подумал, что для этого места на самом деле лучше всего подходят резиновые куртки, надо тоже себе завести такую.

– Так «Урановый край» начинается, – сказал я. – Один чувак выясняет, что он мёртв. Что он, типа, привидение. И ему надо знать, как это с ним случилось. Интересная игрушка, месяц играл... Но я, в отличие от того чувела, вроде жив.

– Это пока, – сказал парень. – И ненадолго.

– С чего это я вдруг буду помирать? – спросил я.

Парень промолчал. Я решил тоже помолчать. Всё равно не выдержит, расколется. Всегда раскалываются, все.

Так и случилось.

– Я Горох, – сказал он. – Моя фамилия Горохов, и меня зовут Горох. Я тебе ничего не скажу. Только так скажу – лучше вам отсюда уехать. И чем скорее, тем лучше.

– Почему?

– Потому, что кончается на «му»!

Парень снова замолчал. Тогда я развел его самым простецким способом.

– Да ты просто завидуешь, – сказал я. – Дом у нас классный, вот и хочешь пугануть. Чтобы жилось потяжелее.

– Дурак ты, – поморщился Горох. – Тут такое случилось в этом доме...

– Зловещее преступление на крыше! – перебил я. – Пришелец взорвал страусиный питомник!

– Да пошёл ты, – обиделся Горох и поплотнее закутался в куртку.

– Не обижайся, – я дружески ткнул его кулаком. – Леденец лазерный хочешь?

– Как это?

Я достал из кармана обычный ананасовый леденец.

– Берёшь леденец, съёшь в рот. Жуёшь. Потом останавливаешься и ждёшь. Через две минуты открываешь рот, а оттуда лазерный луч!

– Бреешь! – сказал Горох.

– Попробуй, – я предложил ему леденец.

Горох протянул было руку, но потом вдруг передумал.

– У меня кариес, – сказал он. – Покажи сам.

Я пожал плечами, развернул обёртку, сунул леденец в рот и стал жевать. Через две минуты я открыл рот, но никаких лазерных лучей оттуда, конечно, не выскочило.

Горох вопросительно на меня посмотрел.

– Влажность повышенная, – объяснил я. – Луч и коллапсирует. То есть распадается на фотоны.

– Тут теперь всегда влажно, – сказал Горох. – Как ведьма приехала, так погода сразу и испортилась.

– Какая ведьма-то? – спросил я.

– А та, что рядом с вами живёт, в кривулине.

– В какой кривулине?

– В избушке, что с домом вашим рядом стоит. Там ведьма живёт.

– Ведьм не бывает.

Горох только усмехнулся.

– Все так думали, – сказал он. – Что ведьм не бывает. А бывают...

– Расскажи.

Горох огляделся. На берегу никого не было.

– Ладно уж, расскажу, – Горох перешёл на шёпот. – Только ты эту историю никому не пересказывай. Об этом у нас молчат, никто...

– Знаю, знаю, – сказал я. – Не колотись, я буду нем, как осьминог.

– Ну, хорошо, – шёпот Гороха стал ещё глуше, – слушай. Но это длинная история...

– Я никуда не спешу, – я подкинул в костёр ещё корягу.

– Ну, значит, так. Это всё началось давно, лет десять назад. Сюда приехала ведьма. Но никто не знал тогда ещё, что она ведьма, все думали, просто старуха. Она купила вот этот старый дом и стала там жить. Живёт, ни к кому в гости не ходит, в магазин не ходит, сама по себе. Ну, не хочет человек общаться и не хочет. А потом случилось. На косогоре тётка одна с мужем жила, а у неё две коровы. И коровы паслись между её домом и рекой, там трава сочная. И как-то раз одна

корова зашла к дому старухи и стала жевать траву. Хозяйка коровы увидела и стала загонять свою скотину обратно, на гору. А та не идёт, не хочет будто. Как прилипла. Хозяйка и кричит, и палкой её бьёт, всё бесполезно. И вдруг дверь в кривулине раскрылась, и на улицу вышла ведьма. Посмотрела на корову, подошла, положила руку на спину и сказала: «Домой пойдёт, в три дня на нет сойдёт». И в дом вернулась. Корова тут же побежала домой. На следующий день хозяйка пошла её доить, а корова кровью доится. И вся похудела и покрылась такими красными жилами. Тётка побежала к ветеринару. Он пришёл, посмотрел и сказал, что такой болезни ещё не видел, но, наверное, корова отравилась волчанкой. Назначил лекарство, но оно не помогло – сдохла корова, ровно на третий день. Стали мясо смотреть, а мяса и нет почти – всё мясо в жилы превратилось. Так эту корову даже закапывать не стали – сожгли в котельной.

А хозяин, муж тётки, разозлился. Пойду, говорит, к этой ведьме, разберусь – порчу на скотину мою навела, пусть деньги плотит. Пришёл, стал в окно стучать, денег требовать. Старуха вышла. Послушала его, послушала, а потом бах – достала откуда-то денег целую пачку и мужику дала. Хозяин схватил деньги и довольный домой побежал. А старуха ему вслед и сказала: «Деньги найдёшь, руки потеряешь». Он не послушал, а через две недели ему молотилкой обе руки и оторвало.

С тех пор с ведьмой никто не связывался. Конечно, от то-

го, что она тут поселилась, сразу всё портиться стало. Река обмелела, ягоды и грибы перевелись, скотина болеть начала, а люди стали помирать чаще. А молоко – так вообще дольше одного дня не хранится. Хотели ведьму выселить, да побоялись – старуха сказала, что у первого, кто на порог к ней ступит, вся семья повыведется, не пройдёт и года. Никто и не решился. Так она здесь и осталась.

Горох покачал головой и ещё раз оглядел берег.

– А в милицию не жаловались? – спросил я.

– А на что жаловаться? На колдовство, что ли? За дураков примут...

– Это точно, – сказал я. – Дураки...

Горох снова задумчиво покачал головой.

– И это всё? – спросил я. – Вся страшная история?

– Не вся. Самое плохое дальше. Слушай. Только там ещё долго...

– А я не тороплюсь никуда.

– Тогда слушай.

Я стал слушать дальше. Я любил всяческие истории, даже на специальные сайты порою заходя, чтобы прочитать про чудищ, вампиров и другую правдивую фигню.

Горох посмотрел на меня и продолжил рассказ:

– Земля эта, ну та, что возле реки, очень хорошая, жирная, почти чернозём, каждый год с реки илу наносит. Огород там развести многие хотели, но с ведьмой никто не хотел связываться, я уже говорил, боялись. А два года назад прие-

хал один мужик из города. Он коммерсантом был, а потом отошёл от дел и захотел здесь поселиться на лоне природы, его родители тут когда-то жили, и он много об этом месте слышал. Ему место у реки сразу понравилось, и он сказал, что будет строиться здесь. Местные говорили, что нельзя тут дом ставить, лучше в трёхстах метрах построить на пригорке, но бизнесмен не отступал. Стал строить.

Дом поставили быстро. Техники много пригнали, бригада целая из города приехала, даже, кажется, турки. Бизнесмен привёз сюда свою семью. Жены и детей у него не было, только два брата, старший и младший. Стали они жить. Прожили два дня. На третий день утром они сидели за столом и ели яичницу. Вдруг двери открылись, и вошла соседка. Подошла к столу и говорит: построил, мол, дом, теперь уезжай отсюда, пока цел, я тут одна жила и дальше одна жить собираюсь. Бизнесмен усмехнулся и говорит: а если я не уеду, что будет? А старуха ему и отвечает: вас три брата, поэтому даю вам три месяца. Через три месяца не уедете, пеняйте на себя. А бизнесмен рассмеялся и сказал, чтобы старуха шла куда подальше, а то он сам её уедет. Старуха только хмыкнула. Время идёт, а бизнесмен не чешется, гуляет себе в своё удовольствие и жизни радуется. Три месяца прошло – ничего не случилось. Мужик веселится, старая дура, говорит, меня испугать просто хотела... А потом у старшего брата на руке пятнышко вскочило. Он решил, что прыщ, замазал зелёнкой, и всё. На следующий день пятнышко ста-

ло больше, с пятак размером. Сначала думали, что лишай, но это не лишай был – пятно сильно пекло. И вокруг него расплзлась обожжённая кожа. И больно уже было. Бизнесмен повёл брата к местному доктору. Тот посмотрел и сказал, что тут надо не к доктору, а к знахарю идти, он как раз знает одного. Бизнесмен только посмеялся, а на следующий день в поликлинику в город поехали, но не доехали – дождём дорогу размыло, никак не пробраться, назад вернулись. На следующий день уже вся рука этим ожогом покрылась, он сам по себе появлялся, и боль от него была как от настоящего. Старший брат орал, а бизнесмен не знал, что делать. Стал по мобильнику в область звонить, чтобы вертолёт прислали, а там сказали, что вертолёт лишь через два дня отремонтируют, надо ждать. Бизнесмен опять по дороге поехал, а дорогу ещё никак починить не могут, тогда он взял лодку и по реке двинул. Опять не получилось – течение такое сильное, что мотор против не вытянул. Ещё через день ожог на половину туловища распространился, и брат уже в сознание не приходил, а следующим утром он умер. И как только он умер, у бизнесмена на руке появилось такое же пятнышко. Похоронили они брата, а бизнесмен с горя запил, а когда прочухался, у него уже на всю руку пятно распространилось. Он отрезвел сразу и в область рванул, дорогу к тому времени уже починили. Приехал в область, побежал в больницу, а там посмотрели и говорят: ничего не знаем пока, надо анализы сделать. Взяли и срезали кусочек кожи. Только среза-

ли, как кровь брызнула, с трудом остановили. Сказали прийти через два дня. Бизнесмен домой поехал. Младшего брата схватил и давай его осматривать – нет ли у него где тоже такого пятна? Не было. Тогда он отправился к старухе. Хотел было в дом к ней зайти, а она его на пороге встретила. Он ей и говорит – останови это, а то убью. А она ему лишь под ноги плюнула и к себе вернулась. Он тоже к себе вернулся и напился опять – больно очень, а водка вроде бы помогает. Проснулся, а уже половина туловища ожогом покрыта и боль просто жуткая. Спустился по лестнице, смотрит, а внизу, в гостиной, его младший брат ждёт. И руку что-то трёт. Бизнесмен схватил его за руку, а на руке ожог. Бизнесмен тогда в подвал спустился, схватил канистру с бензином и побежал к старухе. Он думал, она будет сопротивляться, а ведьма не сопротивлялась, как только бизнесмен внутрь вошёл, она на пол села и стала чего-то бормотать. Он её сграбастал и потащил на улицу, она тяжёлая, как камень, и не шевелится, лишь бормочет что-то. А раньше недалеко от вашего дома баня была, он старуху в баню закинул, подпёр поленом, канистрой плеснул и поджёг. Сел на бревно, сидит, смотрит. А она не кричит, бормочет чего-то, бормочет. На бизнесмена смех напал, сидит, смеётся. И кажется ему, что он забыл что-то сделать, а что – никак не может вспомнить. Огонь разошёлся, вся баня уже горит, а старуха чего-то уже громко говорит, почти кричит, а что – непонятно. Когда огонь до крыши дошёл, тут бизнесмен и подумал, что трубу-то он забыл

закрыть. Подобрал лестницу и к бане. Да только поздно уже было – из трубы сажа пыхнула – а за нею кошка. Зашипела и через огонь на землю шваркнулась. И удрала.

Бизнесмен в эту же ночь и помер. Остался только младший брат. Ему было десять лет всего. Он из дома этого ушёл в тот же день, его дядя двоюродный из соседней деревни забрал, через реку. Вот и всё.

Горох замолчал.

– А с ведьмой что? – спросил я. – С ведьмой-то что случилось?

– Ничего, – Горох пожал плечами. – Жива.

– И зачем ты мне всё это рассказал?

– Затем, что вы в этот дом переехали. А значит, она к вам придёт. Поэтому лучше уезжайте, пока ещё не поздно. Уезжайте.

Горох поднялся, пнул костёр. Головни полетели в воду и зашипели.

Горох снял сапоги, вошёл в воду и двинулся к противоположному берегу. Было мелко, река не доходила ему до колен.

– Эй, Горох, – позвал я, – а что с младшим-то братом сделалось? Жив остался?

– Жив, – остановился Горох. – В первую ночь, как он к дядьке переехал, случилось так. Он уснул, а потом вдруг проснулся. Открыл глаза, смотрит, а на тумбочке рядом с ним кошка белая сидит. Младший стал на эту кошку смотреть и никак понять не может, то ли кошка это, то ли стару-

ха, то ли кошка, то ли старуха. И чем дольше он смотрел, тем больше ему казалось, что это всё-таки старуха. И вдруг это существо, что на тумбочке сидело, и говорит: живи пока. Но ко мне больше не суйся. А сунешься – всё сначала начнётся.

Горох двинулся дальше. Когда он дошёл до середины реки, я снова его окликнул.

– Горох, – позвал я. – А ты откуда всё это знаешь?

Горох улыбнулся и засучил правый рукав. Кожа на руке была сожжена и блестела. Это было видно даже издалека.

– Я третий брат, – сказал Горох. – Я остался жив.

4. Новоселье

Гостиная меня впечатлила. Она была выполнена в ультра-современном стиле: пластик, стекло, металл какой-то блестящий, телевизор плоский из пола торчит. Кресла глубокие кожаные. Диван оранжево-голубой, немецкий, наверное. На стене гобелен – закованный в броню рыцарь поражает копьём языкастого дракона. Красота. И старинный, вероятно, дорогой. Видимо, сгоревший бизнесмен был человеком со вкусом. Я подумал, что вся эта история с проклятьем, превращениями и сжиганиями в бане никак не вяжется с этой гостиной и телевизором. Вполне может быть, что этот Горох просто местный дурачок. В каждой деревне должен быть дурачок, таков обычай. Возьми любую ролёвку – там и то в каждой деревне дурачок, сидит на углу, слухи распространяет, подорожником жёваным торгует, а тут настоящее село.

Правда, гостиную несколько портил пустой аквариум с высохшими рыбами, но это ничего, аквариум можно и перезапустить.

И ещё гостиную портили наши узлы с вещами. Они валялись в самом центре большого синего ковра и никак не вяжались со всей обстановкой. Вообще-то это были ещё не все наши вещи, солидная часть барахла должна прибыть в конце недели, пока же мы собирались довольствоваться тем, что привезли на грузовике.

Я пнул ближайший мешок и свалился в кожаное кресло, решив немножко посидеть, подумать об услышанной истории, да и просто понежиться. И только я погрузился в пахнущие дорогой кожей глубины, как со второго этажа спустилась матушка. В руках у неё была карликовая сосна в деревянном корытце. Бонсай. Наш папахен сильно уважал бонсай. Мать оглядела гостиную, подошла к телевизору и поставила на него кадку с сосной.

– К этому дереву будут комары слетаться, – сказал я.

– Комариные укусы повышают иммунитет, – заметила мать. – Гриппом болеть не будешь.

– Я и так никогда не болею...

Матушка достала из аквариума сухую рыбку, понюхала.

– Где болтался? – спросила она. – Только приехали, как сразу куда-то убежал!

– Исследовал местность, – соврал я. – Тут интересно...

– Отец говорил, рыбалка здесь отличная, – сказала мать и бросила мумифицированную рыбку обратно. – Караси-рекордсмены...

– Караси – это хорошо, – произнёс я. – Слушай, ма, а кто тут раньше жил? Ну, в смысле в этом доме?

– А что? – матушка с удовольствием посмотрела вокруг. – Не нравится?

– Да не, нравится... Просто дом такой здоровенный, а никто не живёт. Странно...

– Не знаю, кто раньше тут жил, но сейчас тут живём мы.

Значит, это наш дом. У тебя, кстати, будет своя комната. И у Катьки. Вон по той лестнице на второй этаж. Бери свой компьютер и тащи давай.

– У меня нога болит, – снова соврал я, сам не знаю почему. – Бурсит застарелый...

– У тебя всё время что-то болит, – сказала матушка, выбрала узел побольше и потащила вверх по лестнице.

Я вздохнул, проклял производителей громоздкой компьютерной техники и поволок коробки с железом наверх.

Моя комната была крайней по коридору. Рядом были небольшие комнаты для гостей, спальня родителей и комната Катьки. Я остановился перед дверью, опустил на пол коробки и достал из одной специально припасённую для такого случая штуку. Букву «М» (что означало «мужик») со специальной присоской. Я подышал на присоску и приладил её к полированной двери. Затем вошёл внутрь.

В комнате не было почти никакой мебели, только кровать и письменный стол у окна. Скорее всего, её просто не успели обставить. От прежнего хозяина остался лишь плакат на противоположной от кровати стене. Волк с красными глазами, с клыками, шерсть дыбом. Вообще у меня были другие пристрастия, но этот плакат я решил не снимать, плакат мне, пожалуй, понравился. Он, правда, немножко отклеился, я взял скотч, отрезал два кусочка и прилепил нижние углы. Порядок.

Сунул коробки с компьютером в угол, потянулся с хру-

стом и с разбегу грохнулся на койку. И тут произошла странная штука. В тишине я совершенно явственно услышал мяуканье.

Мяу.

Густой, низкий звук.

Я вскочил с кровати и огляделся. И сразу же увидел. За окном сидела кошка. Белая. Даже скорее не белая, а какая-то бесцветная.

Кошка открыла пасть и снова мяукнула. Меня как-то неприятно поразило то, что в пасти у кошки я не заметил зубов. Красное отверстие, и всё. Кошка положила лапу на стекло и повела ею вниз. Звук получился такой, как будто по стеклу провели гвоздем, от этого звука у меня заломило зубы, и я даже зажмурился, а когда открыл глаза, кошки за окном уже не было.

Я кинулся к окну. Кошки не было видно. Я поднял раму и выглянул вниз.

Стена была совершенно отвесная и гладкая. Отщёлкнув шпингалеты, я поднял раму до упора и высунулся наружу. Кошки не было. Зато я увидел дом соседки.

Сверху он выглядел совсем по-другому, сверху он выглядел как-то угрожающе. Дом будто тянулся в нашу сторону. Из стен его лезли какие-то длинные штуки, похожие на щупальца, сощурившись, я увидел, что это не щупальца, а просто засохшие ветки каких-то гибких деревьев вроде лиан.

Я задвинул окно, дёрнул за верёвочку и затянул жалюзи. И

тут я подумал, что кошка была какая-то ненормальная. Какая-то слишком приземистая, с толстыми кривыми лапами и крупной головой. Такой головой кошка могла запросто пробить стекло вместе с жалюзи. Но не пробила. И как она удерживалась за окном?

– Поздравляю, – сказал я сам себе. – Сначала тебя посетил безумец, затем тебя навестила белая кошка-мутант. Следующим будет Годзилла.

Я засмеялся, но мне было совсем не смешно, от этого происшествия на душе остался какой-то мутный осадок, я хотел было заняться сборкой компьютера, но этот самый осадок мешал мне предаться любимому делу, поэтому я решил воспользоваться давно испытанным приёмом – сбросить этот осадок ещё на кого-нибудь. Кроме Катьки, никого подходящего под рукой не было, поэтому я сразу направился к ней.

Катькина комната мало чем отличалась от моей. Кровать, стул, стол у окна, комод. Стены выкрашены в цвет незрелого лимона. Над кроватью миленькая акварельная картинка. Горы, озеро, снежные вершины. Рамка из розоватого тёплого дерева. Красиво.

Катька занималась своей излюбленной деятельностью – собирала кукольный дом для своей тупой куклы Барби и её дурацкого приятеля. Я вошел в её комнату, пнул какую-то плюшевую розовую свинью и уселся на пол. Катька сразу же схватила свинью и стала её качать на руках и утешать. Мне же она сказала:

– Придурок.

Я проигнорировал её высказывание, схватил ближайшую пластиковую куклу, свернул ей башку и закинул под кровать.

– Чего тебе надо? – спросила сестра уже миролюбивее.

Этих девчонок надо держать в кулаке, дашь слабинку – на шею сядут.

– Скажи мне, Катька, – спросил я. – Ты когда-нибудь с мальчиком целовалась?

– Нет... – растерянно протянула Катька.

– Это ты зря, – я мрачно улыбнулся. – Зря...

– Почему? – обиженно спросила Катька.

– Потому что ты скоро помрёшь, – совершенно спокойным голосом сказал я. – Коньки отбросишь в северном направлении.

– Как это? – испугалась Катька.

– Так. Умрёшь в расцвете лет. Ты кошку белую тут не видела?

– Видела... – прошептала сестра. – Она на крыше избушки сидела...

– Какой ещё избушки?

Катька указала пальцем в окно.

– Это не избушка, – покачал головой я. – Это не избушка, это обитель зла. Понимаешь, там живёт одна бабка. А она поклялась, что все девочки, которые будут жить в этом доме, умрут, не достигнув тринадцати лет...

– Врёшь...

– Когда она была маленькой, ей тринадцатилетняя девочка выбила камнем глаз. И теперь она мстит всем тринадцатилетним девочкам. Смотри, на ночь окно закрой, а то белая кошка придёт за тобой. Белые кошки гораздо страшнее...

Катька рванула в родительскую комнату. «Мама! – орала она по пути. – Мама!»

Через минуту в комнату вошли матушка и заплаканная Катька.

– Ты чего сестру пугаешь? – спросила матушка.

– Я? – удивился я.

– Ты, ты. Страшные истории ей какие-то рассказываешь...

– Страшные истории? Я ей просто сказал, что если она не избавится от прыщей, на неё ни один парень не посмотрит...

– У меня нет прыщей! – завизжала Катька. – Ты всё врешь!

И она кинулась на меня, растопырив пальцы. Но я был ловчее, я увернулся от Катькиных когтей, проскользнул под рукой матери и укрылся в своей комнате.

Мне полегчало.

Через некоторое время мать принялась стучаться в дверь, но я не открыл, сделал вид, что меня вроде как нет. Мать сказала, что к ужину я могу и не спускаться, так как она не хочет меня видеть. Я не очень расстроился, я знал, что ко времени ужина мать отойдёт. А пока, чтобы скоротать время, принялся разбирать коробки.

Но очень скоро мне и это надоело, и я высыпал всё, что

было в этих коробках, на пол и улёгся рядом отдохнуть. Я лежал, смотрел в потолок и снова думал о рассказе Гороха, и мне почему-то казалось, что старухин дом как-то подслушивает мои мысли. Я осторожно подкатился к окну и выглянул из-под нижней планки жалюзи.

Дом стоял на месте. В сумерках он превратился в большое мутное пятно и выглядел мёртвым.

Потом снизу потянуло чем-то жареным и вкусным, и я спустился к ужину.

Оказалось, что это не простой ужин, а праздничный, ужин по поводу новоселья. На столе красовались бутылка шампанского, две свечи и торт. Другой праздничной еды, правда, не наблюдалось, а из непраздничной была пицца с грибами шампиньонами и пицца с какими-то подозрительными каракатицами, которые Катька и мать называли морепродуктами. Нормальной пиццы, с ветчиной и сыром, не было, и поэтому мне пришлось ограничиться тортом и газировкой.

Матушка резала ножом каракатиц в тесте и запивала их шампанским, а Катька уничтожала торт со скоростью саранчи. Ужин продолжался довольно скучно. Не хватало папахена, он непременно рассказал бы парочку смешных историй из строительной практики, расшевелил бы это болото с морекаракатицами.

Так всё и шло. Стук в дверь раздался, когда всё интересное, в смысле торта, уже доедали и я собирался было вспомнить одно срочное дело...

Стук.

Все почему-то вздрогнули, даже я.

– Кто это? – тихо прошептала Катька.

– Это за тобой, – трагическим голосом сказал я. – Собирай манатки! В лунном свете страшной ночью за тобой крадётся он...

– Прекрати! – одёрнула меня мать.

Она даже треснула по столу кулаком, так, слегка. Затем встала и направилась к двери. И уже протянула руку к замку, как вдруг я вспомнил, что в этом нашем новом доме есть забор и есть ворота. Весьма крепкие и серьёзные. А чтобы пройти через ворота, если у тебя нет электронного ключа, надо позвонить в домофон. А в домофон никто не звонил.

– Стоп! – крикнул я. – Подожди! В домофон ведь не звонили!

– И действительно... – Мать остановилась. – Не звонили...

– Ты когда возвращался, дверь забыл закрыть, болван, – сказала Катька. – А доводчик, наверное, не сработал, вот и всё...

Я совершенно точно помнил, что дверь я закрывал и что доводчик сработал нормально. Но сказать об этом уже не успел – матушка щёлкнула замком, и дверь открылась.

За дверью никого не было. Мать отворила дверь пошире, выглянула, повертела головой.

– Никого... – растерянно сказала она. – Видимо, замыка-

ние в звонке... Тут влажность повышенная.

– В дверь не звонили, – напомнил я. – В дверь стучали.

– Наверное, ветер. Выйду, посмотрю...

– Осторожнее, – предостерёг я. – А вдруг там кто прячется?

Мать ещё раз выглянула за дверь и пожала плечами – никого, мол.

– Я тоже хочу поглядеть! – Катька выскочила из-за стола.

– Сиди на месте! – рывкнула на неё мать.

Катька надулась и осталась на месте. Мать закрыла дверь и вернулась за стол.

– Ветер, – повторила она и положила себе на тарелку кусочек торта. – А ты, друг мой, – улыбнулась мне мать, – ты лишён недельных денег.

Я сделал вид, что это известие меня просто уничтожило, хотя на самом деле я не очень сильно расстроился – здесь всё равно эти деньги некуда было тратить. Единственное, что меня раздосадовало, так это то, что Катька сразу же стала корчить мне торжествующие рожи и показывать кукиши. Я хотел было покарать её, не вставая из-за стола, сделать ей хорошую сливу, но мать опередила меня предупреждающим подзатыльником.

Дальше ужин проходил в молчании, я по-быстрому развязался с последним кусочком торта и поднялся в свою комнату.

Комната всё больше начинала мне нравиться. Мало мебе-

ли, много места. На всякий случай я отодвинул кровать и посмотрел, не закатилось ли туда что от прежних хозяев. Там ничего не обнаружилось. Ни утыканных иголками кукол, ни похоронных венков, ни даже потайных люков с ножами, куда ночью должна проваливаться всякая нормальная кровать в доме с привидениями. Я посмеялся над своей мнительностью, расстелил постель и собрался уже уснуть, как вдруг мне в голову пришла прекрасная идея. Перед сном я решил отомстить Катьке за её скверное поведение и за отвешенный мне подзатыльник.

Катька валялась на кровати, читала девчоночью книжку и чего-то перерисовывала в альбомчик с собачками.

– Слышь, Кать, – спросил я, – вот у тебя по русскому языку всегда пять было, да?

– Чего надо? – злобно спросила сестра.

– Хочу с тобой проконсультироваться.

Катька сразу оттаяла – она обожала, когда кто-то просил у неё консультации, она сразу же казалась себе такой взрослой и умной.

– Чего тебе там? – спросила Катька уже миролюбиво.

– Спросить хочу – как правильно говорить, «останки» или «остатки»?

Катька задумалась на секунду, а потом сказала:

– Если, допустим, еды, то остатки. А если кто-нибудь умер, то останки. А тебе зачем?

– Да вот помнишь, в дверь за ужином постучали, а никого

не было?

– Ну? – Катька насторожилась.

– Это за тобой ведьма приходила, – обречённым голосом сказал я. – Вот я и не хочу дурнем выглядеть, когда твои останки пойду опознавать...

– Свинья! – Катька кинула в меня своей книжкой.

Не попала.

5. Визит

Утром у меня болела голова. Видимо, ночь была слишком душной, а я забыл приоткрыть окно.

Я встал, почистил зубы, умылся и скатился вниз, в столовую.

Общего завтрака в нашей семье заведено не было, каждый завтракал в удобное ему время. Я, например, вообще не завтракал, съедал только сушёный банан для улучшения физической активности. Катька рубала перед школой мюсли, а родители готовили себе салат из питательной морской капусты и яичных белков.

В столовой я обнаружил матушку и Катьку, они разбирали коробки с посудой, осторожно, будто мины обезвреживали.

Я устроился в кресле рядом с холодильником и стал планировать сегодняшний день. Первым делом съем банан. Затем посижу немного, подумаю о жизни. Потом отправлюсь исследовать дом, вчера я успел познакомиться лишь со своей комнатой, гостиной и столовой, а оставались ещё спортзал, зимний сад, чердак и множество других помещений.

Женщины закончили со своей посудой и приступили к приготовлению пищи. Правда, фантазии у них хватило лишь на яичницу с ветчиной, как всегда, и, как всегда, я от неё отказался. Достал из сумки банан и сжевал. Мать посмотрела на меня с неодобрением, она всё боялась, что я этими ба-

нанами заработаю себе язву желудка и всю жизнь буду трудиться только на лекарства. Чтобы предотвратить нравоучительную антибанановую беседу, я тоже решил вложить свой вклад в домашнее хозяйство, взял из коробки нож и начал пилить им по точилу, это называлось «выполнять мужскую работу».

Мать и Катька доели глазунью и продолжили обустраивать столовую. Они притащили коробку с фамильным серебряным сервизом и стали его разбирать, разглядывая каждую тарелку и сопровождая всё это восхищёнными вздохами. Коробка быстро опустела, на дне остался лишь большой семейный кофейник. Мать протёрла руки, торжественно опустила их в коробку и осторожно извлекла на свет драгоценность. Мы привычно задержали дыхание, и в установившейся тишине я услышал, как хлопнула входная дверь.

Мать уронила кофейник и посмотрела через дверь кухни в сторону прихожей. Катька тоже.

Я первым оценил ситуацию, сорвался с места и дёрнул в гостиную. Конечно, надо было бы заглянуть к себе в комнату и прихватить бейсбольную биту, но наверх я уже не успел бы. К тому же наверх можно было попасть всё равно только через гостиную.

Дверь действительно была открыта. За порогом стояла женщина лет пятидесяти.

Я запомнил её и помню до сих пор. В самых душных кошмарах, когда я вскакиваю с постели, задыхаясь от ужаса, я

вижу её. Костриху. Так её все звали. Дарья Кострова. Местные называли её Кострихой. И всегда произносили её имя шёпотом.

Она не была горбата. У неё не было крючковатого носа с бородавками и длинных пальцев с чёрными когтями. Она не хромала и не перевязывала живот колючей проволокой. И зубы у неё, на удивление белые, будто она чистила их самой современной и дорогой пастой, все были целы. Вообще она не была похожа на ведьм, как их обычно описывают в книжках или показывают в кино. Женщина как женщина, немного полная, с круглым лицом и сильными руками, одета в заурядный серый плащ, в руке потёртая кожаная сумка. Только вот глаза... Глаза были чёрными. И зрачок, и радужная оболочка были глубокого угольного цвета, отчего глаза казались двумя дырками в другое измерение. Такой эффект наблюдается у людей с тёмными глазами, я это и раньше замечал. Наверное, отсюда и идут истории про сглазы, порчу и другие страшности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.